

13. Мартынюк А. П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе). Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010/martynuk-a-p>.
14. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky10.htm>.
15. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
16. Поляков М. Я. В мире идей и образов. М.: «Советский писатель», 1983. 368 с.
17. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. 1995. № 4. С. 73-83.
18. Шарикова Л. А. Образ-символ рыбы как ментальная единица мифологической картины мира древних германцев. Режим доступа: <http://sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-412/folklore-412/15217-412-0664>

С. А. КОМАРОВ, С. С. ПЯТКОВ

**«СМЕРТНОМУ» И «ЗВЕЗДОЧКА» Е. Л. МИЛЬКЕЕВА:
АКСИОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ТЕКСТА
КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИТЕРАТУРНОГО ЛАНДШАФТА**

АННОТАЦИЯ: На материале двух текстов рассматриваются элементы поэтики и ценностные устремления тобольского поэта Е. Л. Милькеева в контексте развития русской литературы 1830-1840-х гг.

SUMMARY: On the material of the two texts are considered elements of poetic and value aspirations of the poet Eugene Milkeev from Tobolsk in the context of the development of Russian literature in 1830–1840-ies.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школа «гармонической точности», поэзия мысли, ориентация на образцы, натурфилософия, субъектно-объектная организация.

KEY WORDS: school of "harmonic precision", poetry of thought, focus on patterns, natural philosophy, subject-object organization.

Изучение особенностей литературного процесса того или иного исторического периода немыслимо без анализа творчества художников не первого ряда, ведь это способствует реконструкции определенной литературной действительности без искажений и во всей полноте. Одним из таких поэтов XIX столетия, чье творческое наследие еще только предстоит осмыслить, был сибиряк Е. Л. Милькеев.

Характерные черты его поэзии могут быть поняты с учетом множества факторов: это и место рождения, жительства; и глубокая религиозность; и самостоятельность в получении образования. Однако важнейшим фактором для понимания данного поэта является литературная эпоха, в которую Милькееву пришлось творить. Это 30–40-е гг. XIX в., а их характеризует переход от школы

«гармонической точности» к поэзии мысли, превращение поэтики во фразеологию, эклектичность. Специалисты отмечают: «В общем экспрессивном потоке поэтической речи улавливаются стилистические ряды и элементы, восходящие к самым различным и иногда противостоящим друг другу поэтическим школам и индивидуальным стилям» [Вацуро, 1980-1983:377].

Обратимся к стихотворению Милькеева «Смертному» (1842) [Милькеев, 2010:117]:

1. Не сетуй, смертный, вольнодумно,
2. Что жизнь мятежная твоя
3. Без цели реет слепо, шумно
4. В широком поле бытия;
5. Что ты кружишься легким пухом,
6. Не зная около чего...
7. Угомонись скорбящим духом,
8. Не мучь рассудка своего!
9. Взгляни на мир: не так ли мчатся
10. Под небосклоном облака —
11. Придут, нависнут, удалятся
12. И вновь летят издалека?
13. Кто их для вечного убранства
14. Задержит в небе голубом?
15. Земля, игралище пространства,
16. Сама вертится колесом;
17. И тверди гордые светила
18. Обречены на быстрый ход;
19. Круговращательная сила
20. Весь поворачивает свод.
21. И ты, мгновенного призванья
22. Мгновенный сын, ту ж долю знай,
23. Вертись... и чередѣ созданья
24. Противоречить не желай!
25. Среди бессонного круженья,
26. Среди превратностей дыши,
27. И пей струю самопрезренья
28. В холодной горечи души!

В стихотворении отсутствует предметная простота изображения. В этом смысле Милькеев использовал художественный метод любомудров, исключая «поэзию обыденного». Ораторский пафос стихотворения и, собственно, его жанр (дидактическое послание) отсылает нас к одической традиции, сознательно культивируемой любомудрами. Также об определенной связи с традициями поэзии мысли говорит наличие в тексте архаизмов («реет», «тверди»), многосложных слов, создающих синтаксическую затрудненность стиха («вольнодумно», «игралище пространства»), риторических

вопросов (12 и 14 строки) и восклицаний (8 и 24 строки), то есть своеобразной «ораторской интонации».

В центре двадцативосьмистрочного стихотворения — сопоставление жизни человека и жизни природы. Такой метод характеризует воззрения Милькеева (возможно, на данном этапе его творчества) как пантеистические. Здесь несомненно сходство с принципами натурфилософии поэзии мысли, то есть с Тютчевым, в частности: «В пантеистическом чувстве у Тютчева поэтически и духовно решаются вечные и самые трагические вопросы человеческого бытия: вопросы жизни и смерти...» [Маймин, 1976: 156]. Об особом влиянии Тютчева на Милькеева писал еще М. Азадовский: «Влияние Тютчева оказалось самым сильным и самым благотворным в творчестве Милькеева» [Милькеев, 2010: 243]. В данном стихотворении на связь автора с поэзией Тютчева указывает и дидактизм, выраженный глаголами повелительного наклонения (не сетуй — угомонись — не мучь — взгляни — знай — вертись — не желай — дыши — пей).

Б. Эйхенбаум отмечал, что «очень часто за стихотворениями Тютчева чувствуется присутствие человека, к которому он обращается с речью, или толпы, перед которой он произносит свою проповедь...» [Эйхенбаум, 1969: 398]. В стихотворении Милькеева мы можем обнаружить подобного иллюзорного адресата: «Не сетуй, смертный, вольнодумно...». Еще одна важная особенность в стихотворении Милькеева, отсылающая нас к поэзии Тютчева, — это концовка, построенная на пуанте: «Среди бессонного круженья, / Среди превратностей дыши / И пей струю самопрезренья / В холодной горечи души!».

В середине 1830-х годов весьма влиятельным на поэтическом поприще было творчество В. Г. Бенедиктова. Отмеченное новаторством и совершенно новым восприятием стихотворчества, в силу консерватизма взглядов многих литературных деятелей оно воспринималось как «безвкусица» и какофония. На сходство поэзии Милькеева с поэзией Бенедиктова указал еще Белинский, однако указал в отрицательной коннотации. Мы же отметим, что наличие в тексте Милькеева одновременно элегических формул («В широком поле»; «Что ты кружишься легким пухом»; «Задержит в небе голубом») и прозаизмов («Игралище», «Круговращательная сила») вкупе с одическими формулами и ораторской интонацией действительно создает стилистический сдвиг бенедиктовского типа. Стих Милькеева написан без строфного деления, что также косвенно указывает на влияние Бенедиктова, который тяготел к «разрастающимся стиховым массам» [Вацууро, 1980-1983: 388].

Сочетание формул разговорно-бытового типа с единством риторического высказывания в назидательно-философском тоне, оформленном через значительную стиховую массу — свидетельство ориентации Милькеева на общую модель стихового целого, предложенную Бенедиктовым читающей России. Лексемы «угомонись», «вертится колесом», «быстрый ход», «нависнут», «задержит», «поворачивает», «вертись», «пей струю» очевидно лежат за предела-

ми традиционной одописи. Автор при всем учительстве лирического субъекта по отношению к адресату, т. е. «смертному», устанавливает между ними как бы двойственную связь: с одной стороны, используется традиционный лексический слой одописи, сомкнутый с лексикой школы «гармонической точности» (например: «горечь души», «струя», «созданья», «долго знай», «свод», «в небе голубом», «издалека», «под небосклоном», «скорбящим духом», «без цели», «жизнь мятежная», «среди круженья», «призванья»), а с другой стороны, разговорно-бытовая лексика как бы уравнивает назидającego субъекта со слушателем, переводит его в разряд «смертных» этого мира. В результате порождается особая образная наполненность сознания лирического субъекта. В нем обозначаются элементы личностной психологии, хотя обобщенность его как последовательного ритора не исчезнет.

Девять повелительных глаголов на двадцать восемь строчек текста арифметически должны почти совпадать с условными катренами перекрестной рифмовки. Однако на деле у Милькеева они распределены по тексту своеобразно: строки 1, 7, 8, 9, 22, 23, 24, 27. Задав повелительную интонацию в первой строке, автор делает тематический пропуск на пять строк, затем возвращается к ней в трех строчках. Далее следует тематическое отклонение в одиннадцать строк с финальным возвращением в назидание. Тематическое отклонение организовано посредством централизации темы движения/сменяемости.

Закономерно, что акцентированными в этих стиховых отрезках у Милькеева становятся именно глаголы движения — «реет», «кружиться», «мчатся», «придут», «нависнут», «удалются», «летят», «задержит», «вертится», «обречены», «поворачивает» (всего одиннадцать единиц). Общая частотность глагольных форм (двадцать случаев) создает эффект напора лирического переживания, изнутри скрепляет большую стиховую массу текста. Предметная вовлеченность в движение — жизнь смертного, пух, облака, земля, мгновенный сын и его душа — овеществляет милькеевскую взаимосвязь человека с миром, его натурфилософию.

Усложнение образа мира в поэзии мысли зримо выражалось в тексте за счет разрастания групп зависимых слов от главных членов предложения. Если для Бенедиктова было характерно разрастание группы зависимых слов от подлежащего, то для Милькеева более характерно наращивание зависимых слов от сказуемого, например: «Без цели реет слепо, шумно / В широком поле бытия»; «не так ли мчатся / Под небосклоном»; «их для вечного убранства / Задержит в небе голубом»; «Среди бессонного круженья, / Среди превратностей дыши»; «И пей струю самопрезренья / В холодной горечи души». В первом примере зависимых от сказуемого слов шесть, во втором — два, в третьем — пять, в четвертом — три, в пятом — пять. Если в текстах Тютчева и Лермонтова описательная и риторическая части даются преимущественно отдельно и параллельно, то у Милькеева описания включаются в риторическое рассуждение субъекта, что также усложняет образ мира Милькеева.

Теперь рассмотрим стихотворение «Звездочка»:

1. Ты, мечтатель грустный, сведал
2. В небе звездочку, и ей
3. Подчинил себя и предал
4. Сны безрадостных страстей...
5. Смотришь в дальнюю пучину,
6. В это поле, где она,
7. Выбрав темную долину,
8. Блещет весело одна.
9. Ей подруг-сестер не нужно,
10. И без них она дивит,
11. Пламенисто и жемчужно
12. В отдалении горит.
13. Восхищен ее сияньем
14. В тишине святых ночей,
15. Ты и взором и желаньем
16. Горячо следишь за ней;
17. Поразил впервые зренье
18. Сквозь туман вечерних туч,
19. И на яхонте далеком
20. Обозначился ярчей,
21. Будто выглянул пророком
22. Утешенья, светлых дней!

В тексте преобладают формулы элегические: «мечтатель грустный», «сны безрадостных страстей», «вознося ревнивый шепот», «предаешься и мольбе», «изливаешь тайный ропот» и др., используется автором и лексика разговорного типа: «подчинил», «поле», «дивит». Об ориентации на образцы свидетельствует обращение к иллюзорному объекту, характерное для поэтики, как отмечалось выше, Тютчева, а также отсутствие строфного деления и объемная стихотворная масса — «приемы», применяемые Бенедиктовым. Разрастание групп зависимых слов от подлежащего также присутствует в стихотворении.

Как и первый текст, стихотворение начинается с обращения («Ты, мечтатель грустный...»). Однако, в отличие от «Смертному», здесь отсутствуют наставления и поучения лирического субъекта в сторону адресата. Примечательно, что повествование представляет собой не, например, спор с объектом, не интимный рассказ объекту-конфиденту, что было характерно для лирики подобной художественной структуры того времени, а как бы трансляцию того, что эксплицитно и имплицитно происходит с объектом (на это указывают глаголы в настоящем времени: «смотришь», «блещет», «дивит», «горит» и др.). Однако в данной ситуации мы не можем говорить об отстраненности лирического субъекта: в этом тексте происходит как бы, по выражению Бахтина, «самообъективация», т. е. лирический субъект, если можно так выразиться, опосредует свою непосредственность в объекте.

Это можно предположить, основываясь не только на романтической направленности милькеевской лирики. Она ощущается за счет отстраненности лирического объекта от окружающего мира, за счет самого факта «диалога» между объектом и звездой. Объект испытывает исключительные эмоции, замечая звезду на небе или обращаясь к ней. В пределах направленности, как известно, в «ты» существенно сказывается «я» (выбор местоимения «ты» создает как бы диалог и подчеркивает его интимность), не только на минимальной характеристике того, кого описывает субъект. Это говорит о функциях некоего двойника субъекта. Например, во второй строке субъект использует словоформу «звездочку», суффикс -очк- в которой указывает на умиленное восприятие небесного тела. «Сны безрадостных страстей» также содержит оценочную характеристику, идущую от субъекта, а эпитет «святых», применимый к лексеме «ночей» (14 строка), транслирует читателю исключительно положительное отношение субъекта к изображаемому таинству.

При отсутствии строфных пробелов в стиховой массе на основе перекрестной рифмовки можно выделить семь условных строф. Они являются удобным и понятным строительным материалом для автора в тематической и субъектно-объектной динамике текста.

Выполнив первую условную строфу в глаголах прошедшего времени, Милькеев переключает временной регистр на настоящее во второй условной строфе, тем самым приближая «звездочку» к читателю за счет актуализации и совпадения описания объекта с моментом переживания. Он как бы синхронизирует действие и виденье читателя с лирическим субъектом.

Третья условная строфа тематически посвящена лишь «звездочке», субъект автором как бы устраняется, прячется от читателя. «Звездочка» психологизируется при этом Милькеевым («Ей подруг-сестер не нужно»), эмоционально за счет этого уравнивается с героем-субъектом, не утрачивая объектных качеств («она дивит», «в отдалении горит»). Субъект на время третьей условной строфы превращается в объект ее воздействия, чем достигается эмоциональное сближение читателя с нею, а не героем.

Условная четвертая и пятая строфы могут быть рассмотрены как единый стиховой отрезок (часть) за счет возвращения автором лирического героя в сферу прямого изображения и действия. Но это подается Милькеевым как ответная соразмерная реакция героя на самодостаточность «звездочки», на ее независимость и отдельность в небе, что переносит эти качества как искомые на самого героя. Единство стихового отрезка с 13 по 20 строку закрепляется зримо отсутствием точки в 16 строке и обозначением нижней границы части многоточием.

Итоговая часть, объединяющая две заключительные условные строфы, эмоционально взвинчивается Милькеевым с помощью восклицательной конструкции на фоне отсутствия подобных решений в предшествующем тексте. Автор здесь открывает читателю в субъекте особую духовную мощь, способность «твердить» звезде что-то высшее, «мгновенье» встречи с ее «обетным лучом», имеющим пророческую силу «светлых дней» и «утешенья». Налицо финальное духовное преображение «мечтателя грустного», задаваемое Милькеевым чита-

телю как возможный, но пока лишь наблюдаемый почти со стороны путь внутренней жизни.

Воспроизведенный перед нами как процесс этот путь предстает в качестве только что пережитого здесь, на наших глазах. Именно двойственность позиции «извне» и «изнутри», поддержанная всей лиро-эпической природой данного произведения, обеспечивает действенность и доходчивость ценностных устремлений автора. Тем самым тексты Е. Л. Милькеева органично вписываются в лиро-эпические поиски русской литературы 1830-1840-х годов [Маркович, 1982].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вацуро В. Э. Поэзия 1830-х гг. // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 2. 656 с.
2. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М., 1976. 189 с.
3. Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма. Тобольск, 2010. 265 с.
4. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е годы). Л., 1982.
5. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. 552 с.

Е. Н. МЕДВЕДЬ

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ НЕГАЦИИ

АННОТАЦИЯ: Исследование посвящено лингвистической и философской сущности категории негации. Рассматриваются синтагматические особенности негации, анализируются языковые маркеры выражения негации, их типология.

SUMMARY: *The nature of category of negation is considered from linguistic and philosophical points of view. The syntagmatic peculiarities of linguistic negation and their typology are being examined.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая категория негации, синтагматические особенности, лингво-философские аспекты.

KEY WORDS: *category of negation, syntagmatic peculiarities, linguo-philosophical aspects.*

Негация является одним из ключевых понятий в различных областях науки: философии, логике и лингвистике. Отыскивая свой собственный подход к изучению негации, каждая наука трактует этот феномен с точки зрения характерных именно для нее позиций. Признавая многоплановость проблемы негации, данная категория рассматривается в совокупности всех ее аспектов.

В природе и обществе все предметы и явления постоянно меняются, приобретая или теряя те или иные свойства, вступают в одни отношения и исключаются из других, возникают заново и перестают существовать. Существование отрицательных суждений обусловлено «диалектикой познания постоянно развивающегося окружающего мира» [Сызранцева, 1995: 4–7].